

УДК 165.15+001.1

Елена Валерьевна Максимова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры профсоюзного движения, гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Оренбургский филиал Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»
e-mail: maksimov_a_m@mail.ru

Валерия Александровна Гончарова, кандидат философских наук
e-mail: maksimov55@mail.ru

РОЛЬ НОРМАТИВНОСТИ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

В статье посредством анализа закономерностей развития науки исследуется роль нормативности в научном познании. Опираясь на воззрения ряда философов и методологов науки, авторы подробно разбирают основные признаки науки, выявляя в них черты норм. Характеризуя научную нормативность, они отмечают, что научному знанию свойственно наличие цели, объекта и предмета исследования, методологического инструментария, ценностных ориентаций, технического оснащения. Не менее важны требования к изложению материала, обоснованности знания, его системной организации и др. Авторы полагают, что именно эти основные правила научного знания позволяют формировать соответствующие образцы. В статье проводится мысль, что нормативность научного познания является главной чертой, отличающей эту область знания от других, что научная норма является системообразующим началом не только организующим и регламентирующим процесс познания, но и определяющим его границы. Исследование сущностных характеристик норм дает возможность утверждать, что, несмотря на присутствие в их структуре жестких парадигмальных установок, они являются залогом развития науки, расширением ее границ.

Ключевые слова: норма, границы, признаки науки, основания науки, развитие, научное познание.

Ведущей деятельностью ученого является исследовательский поиск, которому необходим инструментарий, способы, методы познания, комплекс норм и образцов научно-познавательной деятельности.

Рассмотрение проблемы научной нормативности способствует раскрытию масштабов использования норм в научно-познавательной деятельности: от исследования социальных явлений до природных, от случайных до системных.

Анализ справочной литературы показал, что само понятие «норма» достаточно обширно и объемно. Норма рассматривается как «... 1) средняя величина, характеризующая ... совокупность случайных событий; 2) понятие, обозначающее границы, в которых явления и системы (природные и социокультурные), человеческая деятельность ... сохраняют свои качества и функции» [2, с. 453], как «... образец поведения или действия, ... мера оценки» [14, с. 306], как «... установленный эталон, стандарт» [9, с. 108]. В связи с этим полагаем, что научные нормы выступают как «... системообразующие начала, с помощью которых на основе определенных принципов и ценностей организуется, регламентируется познавательный процесс, отделяется научное знание от ненаучного» [1, с. 8].

Постижение окружающей действительности с помощью жесткой системы принципов организации, упорядочивания и структуризации знания позволяет ученому творить, укреплять и расширять границы научного познания с учетом его специфики и особенностей.

Подтверждение этим мыслям мы находим в работах Д.И. Менделеева. Проявляя интерес к выделению механизмов научного познания, ученый стремился уточнить границы нормативности знания. Для него значимым являлось не только высокое качественное описание объекта, но и отношение самого исследователя, его личный опыт, особенности среды, место объекта в изучаемой реальности. Ученый должен уметь правильно формулировать гипотезы, искать пути проверки логических следствий на основе эмпирических сведений и выстраивать теории. В труде «Границ познанию предвидеть невозможно» он так описал этот процесс: «Наблюдая, изображая и описывая видимое и подлежащее прямому наблюдению — при помощи органов чувств, мы можем, при изучении, надеяться, что сперва явятся гипотезы, а потом и теории того, что ныне приходится положить в основу изучаемого» [6, с. 448]. Анализируя содержание процесса постижения реальности сквозь призму научного познания, Менделеев полагал, что ученый должен строить его с учетом основных этапов формирования научного знания и строгом соблюдении их последовательности.

Проблема определения специфических признаков науки, отличающих ее от других областей знания, интересовала и многих других представителей философской и научной мысли. Так, В.С. Степин, занимаясь вопросами научной нормативности, приходит к выводу о том, что основу ее составляет целая группа характерных свойств и существенных показателей, таких как целенаправленность научно-

познавательной деятельности, наличие объективного взгляда в исследовании предмета, ценностные ориентации ученого, техническое оснащение (инструменты, приборы для проведения опытов и др.), методы проведения научного познания, точность и убедительность языка в изложении полученного материала, способы доказательства истинности, структурное построение знания [11]. Обращает внимание на это и В.А. Лекторский. Занимаясь проблемой поиска критерия демаркации, он делает акцент на важности выработки показателей научного знания, наличия логичности мышления [5].

Рассмотрение существенных характеристик научных норм, их назначений позволяет говорить о нормах как о системообразующих началах науки, которые регламентируют и выстраивают процесс познания, определяют его границы.

Научному познанию свойственны четкая ориентация на исследовательский поиск, владение определенным методологическим инструментарием, необходимая дифференциация объекта и предмета исследования, жесткая система проверки знания относительно вопроса его обоснованности, строгая система организации материала, научный стиль изложения, а также научный прогноз. Научные нормы, как основополагающие правила организации знания, дают ученым возможность вывести образцы формирования теоретических конструкций, выработать критерий демаркации, определить нормативный порядок интерпретации. Всё это вкуче позволяет сформировать такую систему знания, которая может достойно вписаться в существующую научную картину мира. Тем не менее, несмотря на присущую нормам парадигмальность, жесткость и некоторую «статичность», им требуется процедура постоянного обновления.

В исторической ретроспективе научная мысль активно развивалась: очевиден тот факт, что с течением времени основания науки обогащались новыми знаниями. Вполне естественно, что в условиях таких изменений, некая трансформация научной нормативности оказала благоприятное воздействие на науку и способствовала развитию последней. В качестве примера можно привести мысль А. Пуанкаре, полагавшего, что основанием науки может служить конвенция, которая являет собой познавательное действие, вводящее в научный оборот целую систему норм и образцов познания, закрепленных на условиях соглашения между учеными. Научные нормы, как он полагает, не продиктованы кем-то, они обусловлены принципом удобства. Пуанкаре пишет: «Одновременность двух событий или порядок их следования, равенство двух длительностей должны определяться так, чтобы формулировка естественных законов была по возможности наиболее простой. Другими словами, все эти правила, все эти определения – только плод неосознанного стремления

к удобству» [10, с. 232]. Поскольку человеку ближе все естественное, то посредством договоренности принцип «удобства» органично вписывается в познавательную деятельность.

Однако, как показала история науки, под ее основанием не всегда предполагалось соглашение. Ст. Тулмин, как сторонник эволюционной эпистемологии, считает, что «абсолютные и относительные предпосылки» в полной мере относятся к основаниям науки. Под ними философ подразумевает верования, ведущие тенденции в культуре, а также основные течения и установки эпохи. Тулмин отмечает временный характер оснований науки [12].

В качестве оснований науки рассматривались и парадигмы. Автором данной концепции являлся Т. Кун. По его мысли, «нормальная наука» формируется с помощью парадигм, которые закладываются в основу научных теорий. Со временем происходит их естественная смена, поскольку они чутко реагируют на появляющиеся изменения. Но при этом Кун отмечал важность существования преемственности в науке: «старые» установки не исчезают бесследно, поскольку «новая» парадигма органично включает в себя определенные элементы предыдущей. На это ученый обращал особое внимание: именно такой механизм смены парадигмы способствует развитию научного знания [3]. При анализе концепции науки Куна, нам становится очевиден тот факт, что, несмотря на жесткость парадигмальных положений, требующих соблюдения норм и установок формирующего знания, наука продолжает развиваться, расширять свои границы.

Интересна трактовка нормативности научного познания, предложенная И. Лакатосом. Он ввел в научный оборот понятие «научно-исследовательская программа», видя в ней основу для формирования механизмов анализа научного знания. Лакатос пишет: «... программа складывается из методологических правил: часть из них – это правила, указывающие, каких путей исследования нужно избегать (отрицательная эвристика), другая часть – это правила, указывающие, какие пути надо избирать и как по ним идти (положительная эвристика)» [4, с. 322]. Научно-исследовательская программа представляет собой некую совокупность теорий, объединенных общими методологическими установками, которые время от времени сменяют друг друга. Внутри программы теории получают развитие, а именно: сталкиваются и конкурируют их «концептуальные системы», отраженные в фундаментальных принципах и положениях. Их смена и есть научная революция, которая трактуется как переход от одной системы нормативности к другой.

Западный специалист по истории и методологии науки Дж. Холтон выдвигает свою оригинальную трактовку научных норм. Он полагает, что разрабатываемая тема выражается в науке в виде верти-

кальной оси. Большинство тем, по мнению ученого, своими истоками уходит в глубокую «древность», заимствуя некоторые черты из мифологии. Таким способом философ демонстрирует устойчивость некоторых норм перед лицом научных революций.

По мнению Холтона, наука аккумулирует в себе определенное количество тем, подчеркивая тем самым их уникальность, самобытность, а также устанавливает некую общность между различными дисциплинами. «Междисциплинарная общность тем, используемых в различных областях исследований, бросает свет как на смысл всей научной деятельности, так и на единую основу действующих здесь механизмов воображения» [15, с. 28]. Из этого следует, что с помощью анализа Холтону удалось объединить нормы научного познания в рамках темы на определенном историческом этапе.

В исследовании данной проблематики интересны идеи П. Фейерабенда. Философ выступил с критикой системы организации современного научного знания. По его мнению, наука чрезмерно перегружена теоретическими составляющими, доминирование одной теории над другой совсем не доказательство ее превосходства, а мастерство изложения – мнимый успех. Фейерабэнд выявляет серьезный недостаток современных ему научных теорий: теоретическое знание слишком обширно и многопланово по содержанию. По этой причине вполне понятно стремление ученого к стиранию границ между областями знания. Только не совсем ясно, где же проходит граница научного знания и насколько обязательным должно быть соблюдение научной нормативности.

Фейерабэнд не отвергал следование нормам в научно-познавательной деятельности, предполагая руководствоваться принципом «пролиферации», как всеобщей научной нормой. Этот принцип провозглашал свободу и удобство для исследователя в выборе методов, установок, подходов и т. д. Фейерабэнд подчеркивал, что у него нет стремления менять одни правила на другие, ему необходимо обратить внимание исследователя, на то, что «... всякая методология – даже наиболее очевидная – имеет свои пределы. Лучший способ показать это состоит в демонстрации границ и даже иррациональности некоторых правил, которые тот или иной автор считает фундаментальными» [13, с. 164].

Проблема содержания научных норм нашла свое отражение в исследовательских изысканиях Р. Мертона. Нормы в научном познании объединены в систему, именуемую ученым «этнос науки». Он пишет: «Этнос современной науки образуют четыре набора институциональных императивов: универсализм, коммунизм, бескорыстность и организованный скептицизм» [7, с. 770]. Эти институциональные императивы органично вытекают из основной задачи науки и направлены на ее достижение: наращивание достоверного знания. Следованию нормам научно-познавательной деятельности присущ императивный характер.

Система научных норм, представленная Мертоном, позволяет увидеть насколько значима роль нормативности в науке. Она не только позволяет очертить границы научного познания и организовать сам процесс, но и достичь объективности, достоверности и надежности полученного знания.

В рамках исследования научной нормативности представляет интерес статья Е.З. Мирской «Р.К. Мертон и этнос классической науки», в которой, на наш взгляд, дана объективная оценка учению Мертона. Автор не умаляет значимости вклада американского ученого в развитие представлений о назначении нормативности и ее роли в науке. Однако, критически оценивая, говорит о том, что правила и образцы научной деятельности у Мертона в процессе развития науки заведомо остаются неизменными. Ученый рассматривал лишь влияние правил на людей, их творчество, но обратную связь влияния исключал [8].

Таким образом, обращение к проблеме нормативности границ научного познания, рассмотренные качества самой нормы показали абсолютную естественность и необходимость присутствия нормы в научной деятельности, дало возможность представить ее как мощное системообразующее начало науки. Весь комплекс норм, регулируя процесс познания, отделяет научное знание от ненаучного. Вне зависимости от того, что сами нормы скреплены парадигмальными установками, четко регулируемыми процесс познания, они наделены способностью к обновлению, рациональной структуризации и даже смене, что, несомненно, обогащает нормативность и постепенно расширяет границы научного познания.

Литература

1. Гончарова, В.А. Норма и девиация в научном познании: опыт гносеологического анализа: автореф. ... дис. кандидата филос. наук: 09.00.01 / Гончарова Валерия Александровна. – Магнитогорск, 2012. – 16 с.
2. Краткий словарь по философии. – Минск: Изд-во «Харвест», 2008. – 832 с.
3. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 9-268.
4. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос // Кун Т. Структура научных революций. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 269-453.
5. Лекторский, В.А. Научное и ненаучное мышление: скользящая граница / В.А. Лекторский // Наука: возможности и границы. – Москва: Изд-во «Наука», 2003. – С. 20-35.

6. Менделеев, Д.И. Границ познанию предвидеть невозможно / Д.И. Менделеев. – Москва: Изд-во «Сов. Россия», 1991. – 592 с.
7. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2006. – 873 с.
8. Мирская, Е.З. Р.К. Мертон и этос классической науки / Е.З. Мирская // *Философия науки*. – Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. – Москва: ИФ РАН, 2005. – С. 11-27.
9. Новая философская энциклопедия: в 4 т. – Москва: Изд-во «Мысль», 2001. – Т. 3. – 692 с.
10. Пуанкаре, А. Ценность науки / А. Пуанкаре // *О науке*. – Москва: Изд-во «Наука», 1990. – С. 197-365.
11. Степин, В.С. Специфика научного познания / В.С. Степин // *Наука: возможности и границы*. – Москва: Изд-во «Наука», 2003. – С. 7-20.
12. Тулмин, Ст. Концептуальные революции в науке / Ст. Тулмин // *Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки*. – Москва: Изд-во «Прогресс», 1978. – С. 170-189.
13. Фейерабенд, П. Против методологического принуждения / П. Фейерабенд // *Избранные труды по методологии науки*. – Москва: Изд-во «Прогресс», 1986. – С. 125-466.
14. Философский энциклопедический словарь. – Москва: Изд-во «ИНФРА-М», 1998. – 576 с.
15. Холтон, Дж. Тематический анализ науки / Дж. Холтон. – Москва: Изд-во «Прогресс», 1981. – 383 с.